

УДК 811.111'38

ББК Ш143.21-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.09

Код ВАК 10.02.20

О. И. Михневич
Екатеринбург, Россия

РИТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: БАУЭР ЭЙЛИ

АННОТАЦИЯ. В рамках истории становления политической лингвистики рассматривается роль риторической критики как научной школы, которая с середины XX века получила широкое признание в Северной Америке и Западной Европе. В качестве ведущих признаков этой научной школы обозначено внимание не только к достижениям оратора, но и к причинам его неудач, а также стремление выявить скрытую от поверхностного взгляда информацию, максимальный учет социальной, национальной и политической реальности и иных дискурсивных факторов. Среди наиболее крупных достижений риторической критики выделены также новые приемы и эвристики: критика метафорики, идеографическая критика, эксанровая критика, нарративный анализ, кластерный анализ, текстуальный анализ, рассмотрение исторического и культурного контекста. К числу широко известных специалистов по риторической критике относится Бауэр Эйли (1903—1977) — профессор Орегонского университета, эксперт в области ораторского мастерства, политической риторики и речевой коммуникации, который, помимо прочего, известен как сторонник активного использования при обучении риторике текстов выступлений рядовых ораторов, «не только Авраама Линкольна», но и «выступающих на очередном заседании кафедры в университете».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика; риторическая критика; политическая лингвистика; политическая коммуникация; научные школы; публичные выступления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ И ПЕРЕВОДЧИКЕ: Михневич Ольга Игоревна, аспирант, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: mikhnevich-olga@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бауэр Эйли (1903—1977), заслуженный профессор риторики Орегонского университета. Преподавал в Миссурийском университете (1930—1957), Колумбийском университете (1941—1957), Орегонском университете (1957—1973).

Обращение к истории политической лингвистики свидетельствует, что в основе ее формирования лежали несколько магистральных направлений, в том числе риторический подход к анализу политической коммуникации, который доминировал в США вплоть до середины прошлого века [Будаев, Чудинов 2007; Будаев 2009; Будаев, Аникин, Чудинов 2008 и др.]. В рамках риторического направления различалось несколько научных школ, в том числе риторическая критика (Rhetorical Criticism). Если традиционно считалось, что ученые должны давать объективные описания риторической практики, руководствуясь риторической теорией, восходящей к античности, то сторонники риторической критики считали необходимым определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать желательным и нежелательным в определенном обществе» [Borchers 2006: 176], т. е. максимально учитывать политическую реальность. Поэтому исследователь должен показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы и как эти стереотипы отражаются в риторике. Представители рассматриваемой научной школы подчеркивали, что риторические факты часто содержат в себе много скрытой для поверхностного взгляда информации [Bgiummett 1994: 72], а поэтому задача ученого — показать, что еще, кроме очевидного, есть в риторических фактах. Специалист должен «сделать невидимое

видимым», например, показать, как в выступлении на определенную тему передаются культурные стереотипы, отображаются (или навязываются) ценности соответствующего сообщества, или как риторика создает «Третью Персону» — образ того, «кем нельзя становиться» [см.: Wander 1984]. В качестве ведущих признаков этой научной школы выделяют также внимание не только к достижениям оратора, но и к причинам его неудач.

Смена акцентов в исследовании политической коммуникации привела к расширению предмета риторических исследований за счет усиления внимания к вопросам идеологии, аксиологии, семиотики и в меньшей степени психологизма. «Идеологический поворот» в риторике и активизация критических исследований послужили одним из источников современной американской политической лингвистики.

Среди наиболее крупных достижений риторической критики выделяют новые приемы и эвристики: критику метафорики, идеографическую критику, жанровую критику, нарративный анализ, кластерный анализ, текстуальный анализ, рассмотрение исторического и культурного контекста [Foss 2004].

К числу широко известных специалистов по риторической критике относится Бауэр Эйли (1903—1977) — заслуженный профессор риторики Орегонского университета, эксперт в области ораторского мастерства, риторической критики и речевой коммуникации. Он получил степени бакалавра и маги-

стра в университете штата Миссури; в 1941 г. защитил докторскую диссертацию в Колумбийском университете.

Б. Эйли преподавал риторику в университете штата Миссури, в Колумбийском университете, а с 1957 по 1973 г. — в Орегонском университете. Он является обладателем различных наград и премий, присужденных за достижения в сфере изучения речевой коммуникации, автором множества книг, статей и монографий, которые задали новые перспективы для теории и методики обучения ораторскому мастерству и послужили основой для дальнейших исследований в области американской риторики.

Бауэр Эйли последовательно подчеркивал роль риторики в истории принятия решений в многочисленных организациях и собраниях Соединенных Штатов. Веря в свободные, открытые, объективные дебаты, он постоянно повторял, что наилучшее решение — это тщательно обдуманное решение, а любое политическое действие требует детального обоснования. По мнению ученого, общественные дебаты — это не место для чувствительных, легкоранимых и ограниченных людей. Будучи жестким оппонентом, Бауэр Эйли практиковал навыки, которым он обучал своих студентов.

Б. Эйли справедливо полагал, что именно ораторское мастерство — это типичное американское искусство, и изучать это искусство нужно не только на примере речей так называемых «гигантов», но и на основе обращения к публичным выступлениям рядовых ораторов, «не только одного Авраама Линкольна, но других парней из Клери Гроув». Таким образом, заслуживают внимания не только национальные лидеры, но и спикеры на очередном заседании кафедры в университете.

В знак признания заслуг Б. Эйли его ученики подготовили и опубликовали сборник статей под названием «Риторика народа: „Есть ли в мире что-нибудь лучше надежды?“» [*Rhetoric of the people: Is there any better or equal hope in the world?*], перевод статьи из которого представлен ниже.

В этой статье детально обоснована важная для исследователя идея о том, что при обучении риторике очень полезно изучать ошибки, которые допускают ораторы, и ошибки, которые допускают специалисты при оценке ораторского мастерства. К числу наиболее типичных автор относит три ошибки, к которым «склонны преподаватели ораторского мастерства» и которые Бауэр Эйли называет ошибкой успеха, ошибкой добродетели и ошибкой величия.

Б. Эйли

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

Можем ли мы улучшить обучение ораторскому мастерству, изучая современные публичные выступления? Предпринимая попытку ответить на этот вопрос, для начала я должен высказать свое основное предположение. Я думаю, что при обучении ораторскому мастерству, особенно когда это касается политики и управления государством, мы уделяем значительное, если не основное внимание убеждению, основная цель которого — эффективность в побуждении мужчин и женщин к вере или действию. Действительно, убеждение — это полезный навык, который может быть использован в различных видах человеческой деятельности. Очевидно, что он может быть использован как честными людьми в интересах их союзников, так и лживыми для осуществления преступных замыслов.

Высказав предположение, которое является основой моего аргумента, сейчас я безоговорочно хочу ответить Да на главный вопрос данной статьи: «Можем ли мы улучшить обучение ораторскому мастерству, изучая современные публичные выступления?». Изучение современных публичных выступлений или истории официальных обращений может помочь нам при обучении риторике и ее изучении, а также позволяет выявить по крайней мере три ошибки, к которым мы, преподаватели ораторского мастерства, склонны. Для краткости я буду называть их ошибкой успеха, ошибкой добродетели и ошибкой величия.

Ошибка успеха

Как известно, эффективность является основной целью убеждающей речи, достичь которой не всегда удается. Человеческим устремлениям часто недостает амбиций, и никто не достигает абсолютного успеха. Разумеется, ораторы не являются исключением из этого правила. Убеждение бывает неуспешным абсолютно или относительно. Бывает, что спикер может быть не способен достичь своей цели, даже если он достаточно убедителен. Хотя успех возможен и без этого: добиться приговора «невиновен» или склонить присяжных изменить свои голоса в итоге.

Надо признать, добиться успеха — не простая задача. Действительно, спикер

может провалиться даже в относительно благоприятных условиях. Даже положительно настроенная аудитория может изменить свое мнение после прослушанной речи. Многие спикеры так задевали благожелательных или нейтрально настроенных слушателей, что те начинали действовать вопреки желаниям оратора.

Кроме того, опираясь на известные работы, касающиеся истории американских публичных выступлений, мы предлагаем нашим ученикам примеры речей, как правило, произнесенных людьми успешными в этом деле, а успех одного человека — это зачастую поражение другого. Разумеется, известие о том, что герой — Кэлхун, Клэй, Уэбстер или Гамильтон одержал победу, затмевает поражение другой партии. Но даже если формально лавры победителя достались оппоненту, проигравший, безусловно, достигает значительной моральной победы. Очевидно, что риторическая критика уделяет недостаточное внимание ораторским неудачам.

Следует ли нам отказаться от понятия эффективности в публичных выступлениях и стоит ли уделять внимание неудачным речам и неуспешным ораторам? Учитывая наше профессиональное предубеждение в пользу успеха, может, мы не будем особо заострять внимание на противоречивых фактах, идущих вразрез с нашими взглядами?

Пожалуй, это предположение не требует серьезных обоснований, хотя при необходимости аргументацию можно детально разобрать. Так, может быть найдено какое-то педагогическое объяснение, позволяющее новичку понять, что он не первый спикер, попавший в затруднительное положение. Разумеется, мы должны иногда подстегивать наших студентов, последовательно сравнивая их с другими успешными спикерами. Но разве случайное упоминание провальной речи не является стимулом для неуверенного спикера? Не будет ли рассмотрение ораторских провалов вдохновлять молодых людей на охоту за госпожой Удачей? Приблизит ли это нас к истинному, исчерпывающему пониманию публичных выступлений?

Если вы следите за ходом моих мыслей, то нет необходимости приводить вам примеры, имеющиеся в огромном количестве среди современных публичных выступлений. Возможно, еще никогда в истории человечества не было так много неэффективных и слабых речей, обращенных к терпеливым слушателям, произнесенных такими плохо подготовленными спикерами, как в США в 1951 г.

Ошибка добродетели

Если риторические приемы доступны как честным, так и нечестным людям, людям с сомнительной репутацией, то шарлатаны наверняка не менее прозорливы, чем честные граждане, и непременно воспользуются этими приемами. Даже те, кто твердо уверен, что истина дороже, а правда рано или поздно восторжествует, едва ли могут предположить, что сами допускают разные формы лжи. Кроме того, опираясь на информацию по истории американских публичных выступлений, где почти ничего не сказано об ораторах-шарлатанах, наши студенты, вероятно, убеждены, что политическая риторика в США является искусством, практикуемым исключительно теми, кто является просто образцами добродетели, честно и праведно трудившимися на благо человечества.

Разумеется, одних примеров разоблачения недостаточно для понимания американской риторики. Но только наивные будут утверждать, что шарлатаны, крючкотворы и вербальные мошенники не произносили речей в Америке. Будет ли удовлетворен общий интерес рассмотрением этих вопросов? Будет ли обращение к ораторам-шарлатанам полезно нашим студентам, а также будет ли это способствовать более глубокому пониманию общественного дискурса?

Можем ли мы найти примеры вербального мошенничества в современной Америке? Действительно ли это возможно? Я не могу говорить за Юг. Не имея информации, я полностью доверяю моим коллегам с Юга, которые утверждают, что за линией Мэйсона — Диксона не зафиксировано ни одного случая политического мошенничества. Но к северу от линии Мэйсона — Диксона, я могу вас уверить, примеры не придется долго искать. Надеюсь на ваше понимание, если в этой части мы отойдем от обсуждений современной риторики и обратимся к истории вопроса.

В качестве примера я искал человека с сомнительной репутацией; полагаю, мне нет необходимости объяснять, кто такой шарлатан. Это другой вопрос. Я также не хочу здесь обращаться к морально-этической стороне вопроса относительно выбранного в качестве примера человека. Для наших целей нам просто нужно выбрать человека, которого считали шарлатаном во все времена. Например, вице-президент США Аарон Берр — сын президента Принстонского университета, внук Джонатана Эдвардса.

После дуэли с Гамильтоном Берр отправился в путешествие на Запад США и участвовал в известном заговоре против правительства Соединенных Штатов. Пережив

судебное разбирательство, он бежал в Европу, где провел несколько лет в изгнании. Затем, вернувшись в Нью-Йорк, Берр возобновил адвокатскую практику. Мы знаем о нем из истории и биографий, а не из книг или монографий по американской риторике. Действительно, в работах по риторической критике о нем ничего не сказано. Однако как в личном общении, так и на публике он был удивительно эффективным оратором. Очевидно, что в западном заговоре он выиграл Бленнерхассет безоговорочно. Согласно свидетельству Клэя, Берр совершенно сбил его с толку. Между тем Клэр сам был оратором и, разумеется, не простаком. Канцлер Кент, уважаемый юрист, который слышал большинство ведущих адвокатов того времени, заявил, что в остроте мысли Аарон Берр мог уступить только Александру Гамильтону. Даже небольшое исследование позволит обнаружить достаточно доказательств эффективности Берра в трактовке закона, который он, как многие полагают, определял как то, что нужно смело защищать и честно отстаивать.

Почему для Аарона Берра не нашлось места среди американских ораторов? Я думаю, причина кроется в том, что несмотря на наше признание идеи того, что риторика — это аморальная сила, наша профессиональная этика и моральные принципы не позволяют нам включать в плеяду ораторов тех, кого воспринимают негативно. Следует ли, изучая ораторское мастерство, рассматривать в качестве примера Берра и таких как он? Стоит ли знакомить наших студентов с некоторыми ораторами-мошенниками, которых можно найти в сфере современной американской политической риторики? Учитывая наши предубеждения, нашу склонность отождествлять ораторское искусство с нравственными ценностями, может не стоит уделять особое внимание каким-то шарлатанам, которые кажутся успешными в ораторском мастерстве?

Если бы мы преподавали политическую риторику в 1951 г., мы должны были бы учить наших студентов тому, как разговаривать с шарлатанами и как бороться с ними. Для того чтобы честные представители какой-либо партии могли противостоять мошенничеству в политике, они должны знать, как разоблачить и аннулировать поддельные фотографии, сфабрикованные псевдодоказательства, распознать технику Гитлера — большая ложь. Если наши ученики должны оставаться честными и, кроме того, пережить предвыборную кампанию, то они должны уметь противостоять мошенничеству в дискуссии, так же как и на рынке.

Ошибка величия

Если убеждающая речь — это полезный прием, который применяют в различных сферах бизнеса, как в малом, так и в большом, то мы можем обнаружить его не только в большой политике, но и на всех остальных уровнях управления государством. Однако наши студенты опираются на работы по истории американской риторики, которые формируют представление, что риторика — это искусство великих ораторов и великих вопросов. Изучение различных политических выступлений существенно не изменит представления, и, к сожалению, учебники по истории не способствуют этому.

С готовностью соглашаясь с тем, что биографии ораторов отражают историю публичных выступлений, мы слишком мало знакомы с риторикой, как это уже было сказано, не так называемых гигантов, а обычных рядовых спикеров, не только одного Авраама Линкольна, но других парней из Клери Гроув. Надо сказать, мы еще не начали изучать американскую аудиторию.

Следует признать, что мы не поймем, каким образом создаются политические речи в Америке, до тех пор пока не уясним, что это не эксклюзивная компетенция 28 или даже 128 выдающихся ораторов. Какая бы она ни была хорошая или плохая, пристойная или непристойная, величественная или нелепая, американская риторика принадлежит американским гражданам. Успешный дискурс публичных выступлений, а не литература, не музыка, не живопись, не скульптура — типичное американское искусство. В течение последних ста шестидесяти лет американцы свободно и беспрепятственно выражали общественное мнение, как никакая другая нация. Полагаю, именно для этих целей предназначено это типичное американское искусство, а не для того, чтобы изучать дискуссии великих ораторов. Будет ли систематическое изучение современной политической риторики способствовать более глубокому пониманию публичных выступлений как преподавателями, так и студентами? Но если мы не изучаем опыт великих ораторов, что именно должны мы изучать? Нам следует изучать ораторов, отдельные ситуации, тематику и, прежде всего, аудиторию не в особых, примечательных, а в обычных, текущих ситуациях. Если обратиться к историческим документам, мы найдем следующие малоизвестные новостные сообщения из Сент-Луиса:

3 августа 1860 г.

Одно из самых больших приходских собраний, которое когда-либо состоялось в Первом приходе, было созвано в Гейдекере,

на углу *Лафайета* и *Однинадцатой улицы*, вчера вечером. Г-н П. Дж. Поли и Альберт Фишер обратились к народу на немецком, а Джеймс Джордж на английском языке. Их обращения были приняты с энтузиазмом и произвели потрясающее впечатление.

Или эти антикризисные новостные сообщения из Луизианы:

Преподобный г-н Блуни читает проповедь „Божье пророчество“ в следующее воскресенье в Демпси Гроув в 10.00 и в 16.00. Между службами проповедник будет участвовать в скачках на своей гнедой кобыле Джулли против любой лошади, пригодной для скачек. Призовой фонд — 50 000 \$.

Чтобы лучше понять функционирование современного общественного дискурса, нам необходимо больше узнать о следующих политических ситуациях: Южная конвенция, которая состоялась 21 мая 1859 г. в Виксберге, штат Миссисипи, речи, произнесенные судьей Шоки, полковником Т. С. Мартином, преподобным доктором Маршаллом и др.; а также речи, произнесенные при линчевании 28 марта 1851 г. в Сакраменто, штат Калифорния; встреча, состоявшаяся 20 ноября 1850 г. в Холидейсберге, штат Пенсильвания, когда судья Келли обсуждал возможность строительства железной дороги Питтсбург — Сан-Франциско; речь на грандиозном празднике 20 июля 1838 г. в Маунт-Клеменс, штат Мичиган, когда было начато строительство канала Клинтон — Каламазу.

В современной политической риторике нам следует обращать внимание как на местного прокурора, так и на губернатора Дьюи. Нам необходимо изучать речи представителей из округа Атчison, так же как и речи сенатора Лоджа. Следует отметить, что рядовой агитатор может быть интересен не менее, чем вице-президент Баркли. Разумеется, в этом случае у нас остается меньше времени на Калхуна, Вебстера, Клэя или даже для Тафта, Томаса и Трумэна, но мы можем показать нашим студентам, что истинный американский политический дискурс намного глубже и шире и не может быть ограничен только риторикой великих ораторов. В свободной стране все люди участвуют в управлении государством, и многие из них произносят речи. У каждого спикера найдет-

ся что-то, чему можно поучиться.

Заключение

Таким образом, я просто предлагаю, чтобы мы при обучении наших студентов использовали все возможные речи, обращения, встречающиеся вокруг нас, чтобы показать, что спикер не всегда успешен, добродетелен и велик, напротив, иногда мы можем наблюдать его неуспешным, недоброжелательным и незначительным. Надо сказать, вероятно, наша профессиональная репутация пострадает, если мы воспользуемся этим предложением, но оно того стоит. У нас появится больше возможностей для изучения тех, кто произносит и слушает речи. И нашим студентам действительно удастся овладеть навыками, описанными Джоном Морли:

— Я надеюсь, — говорит он, — что ваши преподаватели риторики будут учить вас совершенствовать это удивительное искусство: использовать только точные формулировки; высказывания без подвохов, притворства и позерства; добиваться естественной силы речи, а не просто декламировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. О трех направлениях в американской политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 129—131.
2. Будаев Э. В., Аникин Е. Е., Чащина С. С. Риторическая критика в американской политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2008. № 2. С. 136—138.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. 252 с.
4. Aly B. The contemporary rhetoric of politics and statecraft // Rhetoric of the people: Is there any better or equal hope in the world / ed. and with introductions by Harold Barrett. — Amsterdam, 1974. P. 17—25.
5. Benson T. Beacons and Boundary Markers: Landmarks in Rhetorical Criticism // Landmark Essays in Rhetorical Criticism. — Davis, CA : Hermagoras Pr., 1993. P. XI—XXII.
6. Borchers T. A. Rhetorical Theory. An Introduction. — Belmont : Wadsworth, 2006.
7. Brummett B. Rhetoric in Popular Culture. — New York : St. Martin's Pr., 1994.
8. Burke K. The Rhetoric of Hitler's "Battle" // The Southern Review. 1939. Vol. 5. P. 1—21.
9. Foss K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. — Long Grove, Illinois : Waveland Pr., 2004.
10. Stelzner H. G. War Message, December 8, 1941: An Approach to Language // Communication Monographs. 1966. Vol. 33. P. 419—437.
11. Wander P. The Third Persona: An Ideological Turn in Rhetorical Theory // Central State Speech Journ. 1984. Vol. 35. P. 197—216.

O. I. Mikhnevich
Ekaterinburg, Russia

RHETORICAL CRITICISM AS AN AREA IN RESEARCH OF POLITICAL COMMUNICATION FIELD: BOWER ALY

ABSTRACT. *Rhetorical criticism as a scientific school, which has been wide spread in North America and Western Europe since the middle of the XXth century, plays an important role in the process of political linguistics development. This scientific school focuses on discursive factors such as enormous attention on the social, national and political reality, revealing hidden information, consideration of successful speakers as well as oratory failures. Among the most important achievements of rhetorical criticism we find new techniques and heuristics: metaphoric criticism, ideographic criticism, genre criticism, narrative analysis, cluster analysis, textual analysis, description of*

the historical and cultural context. One of the prominent experts in rhetoric criticism is Bower Aly (1903-1977), Professor Emeritus of Speech, University of Oregon. Professor Aly was a specialist in the field of oratory, political rhetoric, speech communication studies, he was also known as a scholar in the history of public addresses. He claimed that we should give due attention to oratory failures and defeated orators. He underlined that it was important to teach public speaking “not on the basis of Abraham Lincoln’s speeches only” but using “the faculty of the University of Oregon regular session addresses” as examples.

KEYWORDS: political rhetoric; rhetoric criticism; political linguistics; political communication; scientific schools; public speeches.

ABOUT THE AUTHOR AND TRANSLATOR: Mikhnevich Olga Igorevna, Post-graduate Student, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Bower Aly (1903-1977), Professor Emeritus of Speech, University of Oregon. University of Missouri (1930-1957), Columbia University(1941-1957), University of Oregon (1957-1973), retired in 1973.

REFERENCES

1. Budaev E. V. O trekh napravleniyakh v amerikanskoy politicheskoy lingvistike // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 3. S. 129—131.
2. Budaev E. V., Anikin E. E., Chashchina S. S. Ritoricheskaya kritika v amerikanskoy politicheskoy lingvistike // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 2. S. 136—138.
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika. — Ekaterinburg, 2007. 252 s.
4. Aly B. The contemporary rhetoric of politics and statecraft // Rhetoric of the people: Is there any better or equal hope in the world / ed. and with introductions by Harold Barrett. — Amsterdam, 1974. P. 17—25.
5. Benson T. Beacons and Boundary Markers: Landmarks in Rhetorical Criticism // Landmark Essays in Rhetorical Criticism. — Davis, CA : Hermagoras Pr., 1993. P. XI—XXII.
6. Borchers T. A. Rhetorical Theory. An Introduction. — Belmont : Wadsworth, 2006.
7. Brummett B. Rhetoric in Popular Culture. — New York : St. Martin’s Pr., 1994.
8. Burke K. The Rhetoric of Hitler’s “Battle” // The Southern Review. 1939. Vol. 5. P. 1—21.
9. Foss K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice. — Long Grove, Illinois : Waveland Pr., 2004.
10. Stelzner H. G. War Message, December 8, 1941: An Approach to Language // Communication Monographs. 1966. Vol. 33. P. 419—437.
11. Wander P. The Third Persona: An Ideological Turn in Rhetorical Theory // Central State Speech Journ. 1984. Vol. 35. P. 197—216.